УДК 34

Корниенко А.К.
студент 2 курса
Юридический институт
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(г. Белгород, Россия)

Шумилина О.С.
кандидат юридических наук, доцент
кафедра уголовного права и процесса
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(г. Белгород, Россия)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТОЯНИЯ АФФЕКТА

Аннотация: *определение состояния аффекта, вследствие которого лицом было совершено насильственное преступление, несмотря на научное развитие, по-прежнему остается одним из наиболее сложных вопросов уголовно-правовой квалификации. В представленной статье рассматриваются особенности уголовно-правового понятия состояния аффекта и его психологическая характеристика. Авторами определяются наиболее затруднительные и спорные аспекты квалификации преступлений по статьям 107 и 113 Уголовного кодекса Российской Федерации. Отдельный акцент делается на проблеме неоднородности практики назначения судебно-психологических экспертиз по соответствующей категории дел.*

Ключевые слова: *аффект, уголовная ответственность, психотравмирующая ситуация, судебно-психологическая экспертиза, квалификация преступления.*

Различия, наблюдаемые в психологических и уголовно-правовых критериях, используемых при установлении состояния аффекта, могут затруднить квалификацию преступления против жизни и здоровья. Именно по этой причине особым значением обладает разграничение компетенций, которыми обладают эксперты-психологи и судьи, поскольку психологическая оценка поведения обвиняемого не может подменять собой уголовно-правовую квалификацию.

В соответствии с частью 1 статьи 107 Уголовного кодекса Российской Федерации совершенным в состоянии аффекта признается убийство «в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего» [1]. Аналогичное состояние также предусмотрено статьей 113 УК РФ применительно к умышленному причинению вреда здоровью средней тяжести или тяжкого вреда здоровью. В обоих случаях законодатель указывает на наличие непосредственной связи между аффектом и предшествующим ему насилием, издевательством, тяжким оскорблением и иными не только противоправными, но и противоречащими морали действиями потерпевшего либо длительной психотравмирующей ситуацией, которая возникла вследствие систематического поведения данного субъекта.

Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» называет аффект состоянием «сильного душевного волнения» и связывает его возникновение с «общественно опасным посягательством» [3]. В данном случае следует обратить внимание на вывод, который был сделан Н.В. Дьяковой и Н.В. Гасановым по итогам исследования особенностей судебной экспертизы аффекта: «Психологическое понятие «аффект» и формулировка «внезапно возникшее

сильное душевное волнение», используемая в контексте уголовно-правовой доктрины, не являются синонимами» [4, с. 53].

Существенным значением для квалификации также обладает разграничение преступлений, которые совершаются в состоянии аффекта, и причинения вреда при превышении пределов необходимой обороны. Данные ситуации характеризуются общностью, что обусловлено предшествующими преступлению событиями, которые могут сопровождаться применением насилия со стороны потерпевшего и возникновением состояния сильного эмоционального напряжения. В данном случае юридическая оценка должна опираться не на интенсивность переживаний лица, обвиняемого в совершении преступления, а на направленность поведения в момент реализации умысла. Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении № 19 прямо указал на то, что убийство в состоянии аффекта совершается не в целях защиты, что исключает квалификацию действий виновного как необходимую оборону.

Помимо этого, если имеет место отражение продолжающегося нападения, то возникает потребность в проверке условий, указанных в статье 37 УК РФ. В случае, если устанавливается явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства, целесообразно оценивать возможность квалификации содеянного по статьям 108 или 114 УК РФ. При этом важно учитывать, что даже в ситуации, когда устанавливается факт наличия аффекта у обвиняемого, возможность квалификации по обозначенным статьям УК РФ не исключается, что также прямо отмечено в ранее обозначенном Постановлении Верховного Суда Российской Федерации.

Абсолютно иную ситуацию образуют случаи, когда нападение уже завершилось, т. е. отпала необходимость защищаться, однако ответные действия виновного были совершены под воздействием внезапного сильного душевного волнения, обусловленного предшествующим поведением со стороны потерпевшего. В подобных условиях целесообразно рассматривать возможность

квалификации преступления по статьям 107 или 113 УК РФ, если будут установлены соответствующие признаки, прямо указанные в данных нормах.

Иными словами, важную роль играет установление момента окончания посягательства, целей, которые преследовало лицо при применении ответного насилия, а также его состояния. Учет данных фактов в совокупности позволяет избежать квалификационных ошибок, выражающихся в подмене аффекта иными составами преступлений. Страх и растерянность, возникающие под влиянием нападения, могут оказывать непосредственное влияние на выбор дальнейшего поведения обвиняемым, однако автоматически не свидетельствуют ни о наличии аффекта, ни о его отсутствии.

В психологии ключевым признаком аффекта признается существенное изменение эмоционального поведения, которое искажает восприятие происходящих событий и лишает человека возможности полноценно контролировать собственные действия. О.А. Савочкина указывает на то, что в качестве одной из отличительных особенностей аффекта выступает «сниженная способность контролировать свои действия при сохранении способности осознавать их противоправность» [6, с. 63]. Исходя из этого следует, что сам по себе физиологический аффект еще не исключает вменяемости, несмотря на то что он способен существенно ограничить осознанную регуляцию поведения субъекта, пребывающего в данном состоянии. Патологический аффект, напротив, требует проверки признаков наличия расстройства психологического спектра в силу иной природы. Такие признаки обладают значением уже для применения статьи 21 УК РФ, определяющей содержание невменяемости.

Затруднения могут возникнуть и при отграничении аффекта от иных сложных и интенсивных эмоциональных реакций на обстоятельства, предшествующие совершению преступления. Например, Ф.С. Сафуанов и К.М. Солдатова приходят к выводу о сходности отдельных признаков «самовзвинчивания» и состояния аффекта [7, с. 142]. Именно по этой причине реакции в виде гнева, агрессии или утраты самообладания недостаточно для того, чтобы самостоятельно установить аффект. Судебному эксперту

необходимо достоверно определить механизм, который обусловил формирование соответствующей реакции, и характер изменений в поведении, способствовавших утрате способности лица регулировать собственное поведение.

Важно учитывать, что исследование психологического состояния обвиняемого не может ограничиваться исключительно получением от него объяснений, содержащих сведения о собственных переживаниях. Установление аффекта требует ретроспективного анализа, в ходе которого будет определено предшествующее поведение участников конфликтной ситуации, их поведение в момент совершения преступления и после его совершения. Само собой, в рамках такого анализа особое внимание уделяется именно поведению обвиняемого, однако учет действий потерпевшего также играет важную роль, так как может подтвердить наличие предпосылок для возникновения аффекта.

Повышение степени объективности такой оценки может быть достигнуто в случае, если правоприменителем будут учитываться показания очевидцев, записи с камер наблюдения, переписка (обмен сообщениями) между участниками конфликта, сведения об обращениях за медицинской помощью, а также другие материалы, которые свидетельствуют об изменении поведения. Перечисленные данные подлежат учету при квалификации содеянного только при условии, если они были собраны допустимым процессуальным путем и признаны доказательствами по уголовному делу. В обратном случае учет различных сведений может рассматриваться лишь в качестве ориентира, способствующего направлению расследования.

Отдельные внешние признаки не должны восприниматься в качестве самостоятельного доказательства аффекта. Так, к примеру, хаотичность действий может быть объяснена условиями, в которых происходило столкновение между обвиняемым и потерпевшим, а последовательность движений не обязательно исключает выраженное эмоциональное напряжение. Именно по этой причине важно, чтобы правоприменителем всегда использовался комплексный подход при оценке юридически значимых

сведений, позволяющий рассмотреть их во взаимосвязи, а не обособленно. Следует также учитывать противоречия, которые могут возникать между различными источниками информации.

Стоит отметить, что наличие длительного конфликта также не следует рассматривать в качестве безусловного свидетельства, указывающего на аффективный характер поведенческой реакции, возникшей вследствие кумулятивного накопления эмоционального напряжения. Юридически значимым в данном случае является именно систематичность соответствующего поведения потерпевшего, его характер и наличие причинной связи с внезапным эмоциональным состоянием, которое возникло у лица, обвиняемого в совершении насильственного преступления против жизни и здоровья. Правоприменителю необходимо устанавливать конкретные события, предшествующие преступлению, а также обстоятельства, которые привели к эмоциональному срыву, особенности последующих действий обвиняемого и потерпевшего. Таким образом, продолжительность конфликта автоматически не исключает аффекта, но и не свидетельствует о его наличии в условиях, когда отсутствуют иные доказательства, достоверно подтверждающие данное состояние.

Представляется, что ключевую роль в установлении аффекта должны играть судебно-психологические заключения. Однако практика обращения к лицам, обладающим специальными знаниями, не характеризуется постоянностью. Так, по итогам исследования К.М. Солдатовой было установлено, что «назначение судебной психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы при рассмотрении аффективных преступлений реализуется только в половине актов (45%)» [8, с. 37]. Автором были рассмотрены судебные решения за десятилетний период (2013-2023 гг.) и установлено, что в ряде случаев суды самостоятельно, без опоры на заключение судебных экспертов, оценивали эмоциональное состояние подсудимого в момент совершения преступления. Подобный подход оправданно подвергается критике. Следует согласиться с Л.Ф. Ивановой в том, что знания в области

психологии, которыми обладают работники следствия и суда, еще «не исключают привлечения сведущего лица для производства экспертизы» [5, с. 16]. В то же время оценка заключения судебного эксперта должна производиться с соблюдением требований статей 17 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2], которые исключают возможность установления приоритета одних доказательственных сведений над другими.

Произведенный анализ позволяет заключить, что уголовно-правовое понятие аффекта обладает тесной связью с психологическими признаками, характеризующими состояние сильного эмоционального возбуждения, однако не совпадает с ними в полной мере. Практическое применение статей 107 и 113 УК РФ предполагает необходимость установления юридически значимых обстоятельств, вследствие которых возникло состояние аффекта, особенностей его развития и наличия связи с совершенным преступлением. Представляется, что неоднородность практики вынесения постановлений о назначении судебно-психологической экспертизы по делам о преступлениях, предположительно совершенных в состоянии аффекта, снижает доказательственную эффективность и фактическую обоснованность судебных решений. В свою очередь, распространение практики производства данных экспертиз, результаты которых должны оцениваться в совокупности с другими доказательствами, собранными по делу, может позволить существенно снизить риски ошибочной квалификации содеянного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921
3. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 (ред. от 09.12.2025) // Российская газета. 2012. № 227
4. Дьякова Н.В., Гасанов Н.В. Судебная экспертиза аффекта у обвиняемых при множественных убийствах // Российский судья. 2025. № 7. С. 53–57
5. Иванова Л.Ф. Проблемы установления и оценки доказательств физиологического аффекта // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2026. Т. 26. № 2. С. 13–18 https://doi.org/10.14529/law260202
6. Савочкина О.А. Особенности квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2023. № 1.1 (37). С. 62–66
7. Сафуанов Ф.С., Солдатова К.М. Уголовно-релевантный аффект и реакция самовзвинчивания // Психология и право. 2024. Т. 14. № 1. С. 140–151 https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140109
8. Солдатова К.М. Анализ судебных решений по преступлениям, включающим вопрос о квалификации аффекта // Психология и право. 2025. Т. 15. № 2. С. 34–46 https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150203

Kornienko A.K.
student of 2nd year
Institute of Law
Belgorod National Research University
(Belgorod, Russia)

Shumilina O.S.
PhD in Law, Associate Professor
Department of Criminal Law and Procedure
Belgorod National Research University
(Belgorod, Russia)

CRIMINAL LAW AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF A STATE OF AFFECT

Abstract: *determining whether a person who committed a violent crime was in a state of affect remains one of the most challenging issues in criminal-law classification, despite advances in research. This article examines the criminal-law concept of a state of affect and its psychological characteristics. The authors identify the most difficult and contentious aspects of classifying crimes under Articles 107 and 113 of the Russian Criminal Code. Particular attention is paid to inconsistencies in the practice of ordering forensic psychological examinations in such cases.*

Keywords: *affect, criminal liability, psychologically traumatic situation, forensic psychological examination, crime classification.*